

Под суровым авторитетом старосты Чжана и его политикой денежных штрафов, почти тысяча деревенских жителей поспешно убрала оружие. Разделившись на два ряда, они улыбались так широко, будто каждый только что подобрал по сто тысяч золотых монет. Хлопушки и фейерверки гремели не переставая, а те, у кого их не оказалось, пустили в ход магию, превратив весь вход в деревню в настоящий праздник.

— Ну разве я не говорил? Местные жители и впрямь невероятно гостеприимны! Ой, смотри, какой красивый фейерверк в виде кролика! А это... что такое? Даже в форме льва! Похоже, они давным-давно знали, что мы прибудем, и подготовились на славу...

Ме Тянь с восторгом спрятал рупор обратно, зааплодировал и запрыгал от радости. Его вид мало чем отличался от ребёнка, празднующего Новый год.

Черт побери, сплошные идиоты!

Ао Уфэн помрачнел, его сердце заливало волной злости, и ему жутко хотелось одним ударом меча разрубить всех этих глупых деревенщин на куски!

Какое же бесхребетство, сменили сторону от малейшего испуга! А я-то, глядя на их воинственный вид, думал, что они для приличия хоть пару громких слов скажут, прежде чем прогибаться.

Просто... какая же у меня неудача! Нет, это просто пацан Ме Тянь слишком коварен — наверняка заранее предвидел реакцию сельчан!

Выходит, самый главный дурак здесь — я!

Ао Уфэн тяжело вздохнул. Не знавший ни единого поражения за всю свою жизнь, полную бесчисленных битв, он наконец-то познал вкус горечи поражения здесь, из-за Ме Тяня!

И это действительно всего лишь двенадцатилетний ребенок?

Среди внутренних терзаний и угрюмых раздумий Ао Уфэна, величественной поступи Золотого Льва-Царя, шествующего словно на подиуме, и старательно державшегося с напускной серьезностью Ме Тяня, который изо всех сил пытался изобразить мудрого старца из высших миров, их небольшая процессия с триумфом добралась до входа в деревню.

Глядя на оживленную суету вокруг, Ме Тянь давно забыл, что собирался строить из себя отрешенного мастера. Его детское личико сияло от возбуждения и восторга. *Хе-хе, сколько же здесь народу! Оказывается, Континент и впрямь такой интересный, а эти люди — невероятно гостеприимны!*

Староста Чжан и тысяча деревенских жителей застыли как вкопанные. Улыбки застыли на их

лицах, ведь в самых страшных снах они не могли представить, что этот легендарный маг без определенного ранга окажется всего лишь тщедушным ребенком.

Глядя, как он сидит на спине Золотого Льва-Царя с невероятно взволнованным выражением лица, люди едва не усомнились: уж не сошел ли этот малыш с небес?

Великий Создатель в свидетелях, да это же магический зверь девятого уровня, пресловутый Золотой Лев-Царь!

По легенде, магические звери девятого уровня обладают интеллектом, не уступающим человеческому, а Золотой Лев-Царь и вовсе стоит на вершине этого списка. Он не только обладал чудовищной силой, но и отличался диким нравом: он абсолютно ни за что не признал бы кого-либо своим хозяином, не говоря уже о том, чтобы позволить кому-то восседать на своей гордой спине.

Вторым же шел угрюмый спутник, который плелся позади Золотого Льва-Царя так, будто каждый встречный задолжал ему по несколько миллионов золотых. Он не произносил ни слова, а во взгляде, брошенном на старосту Чжана, отчетливо мерцали искры скрытой ярости...

Черт, плохо дело, эта свирепая звезда обратила на нас внимание! Похоже, ему не слишком по душе наше приветствие!

Староста Чжан все-таки был не простым человеком: в мгновение ока сообразив, в чем дело, он торопливо кашлянул, возвращая растерянных односельчан к реальности, низко поклонился и почтительно произнес:

— От имени всех жителей Деревни Лунного Света я сердечно приветствую великого... великого Золотого Льва-Царя, господина Ао Уфэна и мага без ранга, господина Ме Тяня! Ваш визит озаряет нашу скромную деревню бесконечным светом и величайшей честью!

Видя смиренный вид старосты, Ме Тянь расплылся в улыбке и непринужденно бросил:

— Староста, вы уж слишком любезны! Мы просто наслышались о славе Деревни Лунного Света и захотели взглянуть на всё своими глазами. Надеюсь, вы не откажете в гостеприимстве — я ручаюсь, что мы не станем устраивать беспорядки, а просто полюбуемся пейзажами.

Староста мысленно усмехнулся: с их-то силой, даже вздумай они устроить переполох, никто в деревне не смог бы им помешать!

Полюбуемся пейзажами? Да какие тут к черту пейзажи!

— Раз так, прошу почтенных господ пожаловать в деревню!

Ме Тянь слегка кивнул:

— И то верно. К тому же, мы прошли несколько тысяч ли и порядком устали, так что не мешало бы передохнуть в деревне! Благодарю вас, дедушка староста.

Староста Чжан едва не споткнулся, переполненный эмоциями!

Этот необычный на вид Ме Тянь только что назвал его дедушкой? Небеса! Какое родное слово! С тех пор как его маленький внук пропал без вести в Лесу Магических Зверей, никто больше не называл его дедушка. До чего же трогательно, какой прекрасный ребенок...

Нити в душе старосты Чжана мгновенно натянулись. Во взгляде, которым он окинул Ме Тяня, появилось больше тепла и меньше страха. Этот мальчик сумел заставить Золотого Льва-Царя признать своего хозяина, а значит, он явно не был обычным ребенком — по крайней мере, в те времена еще не доводилось слышать, чтобы кто-то в столь юном возрасте заключал контракт с магическим зверем.

Глядя на то, как его аура полностью скрыта внутри тела *(на самом деле никакой ауры там отродясь не было)*, и видя, что внешне он выглядит даже беспомощнее обычного ребенка, староста сразу понял перед собой невероятно грозную фигуру. И такой несравненный гений назвал его дедушкой — какое же это счастье!

Сердце старосты Чжана отчаянно колотилось, даже шаг стал легким и пружинистым.

— Верно, дедушка староста, я слышал, что в любом уголке континента есть таверны вроде Дома Наемников. Не могли бы вы отвести меня туда взглянуть? Я вырос и еще ни разу не видел, как выглядят таверны.

Заметив доброжелательный вид старосты, в котором угадывались черты его покойного дедушки Ме Яо, Ме Тянь проникся к нему долей уважения и доверия.

Раньше он читал об этом только в книгах: мол, герои всегда собираются в тавернах, пьют вино большими чашами, едят мясо кусками, живут ярко и вольготно, да к тому же всегда находят повод проявить свою доблесть — то заступятся за слабого посреди дороги, то спасут красавицу.

Единственным развлечением Ме Тяня в Пустоши Разрушения было чтение книг, и он отчаянно завидовал подобным историям. Иначе с чего бы ему загореться столь безумной идеей — отправиться в путешествие по всему континенту?

Услышав это, староста Чжан на мгновение остолбенел, а затем вспомнил кое-что, и по его спине побежал холодный пот.

Да ведь в том самом Доме Наемников уже целый день хозяйничает почти тысяча военных!

Судя по их виду, они преследуют какую-то тайную цель... неужели их настоящая цель — группа Ме Тяня?

Если это действительно так, то стоять вспыхнуть битве — и от Деревни Лунного Света не останется и следа!

Разрушительную силу сильнейшего девятого уровня обычному человеку трудно даже вообразить. Истинную мощь Ме Тяня рассмотреть было невозможно, но судя по тому, что он заставил Золотого Льва-Царя подчиниться, тот определенно являлся сверхмощным и устрашающим существом. А Бог Боя девятого уровня Ао Уфэн — самый крутой и непобедимый супермастер нынешнего Континента Шэньлун, чья сила непостижима, — вряд ли сможет сдержать их... даже местный защитник деревни вряд ли устоит!

С другой стороны, искушенный взглядом старосты Чжан понимал, что те военные — вовсе не рядовые солдаты. Ужасающая жажда убийства, исходившая от них, была выкована в котле крови и пламени.

Если эти две стороны столкнутся...

Староста даже боялся продолжать эту мысль.

В этот самый момент староста Чжан ощутил, как со стороны, откуда они только что пришли, повеяло странным давлением. Это давление было настолько грандиозным, что практически достигало пика уровня Бога Боя.

Кто же обладал столь колоссальной силой? Небеса! Неужели в Деревню Лунного Света пожаловал столь несравненный эксперт? Неужели на деревню действительно обрушилась беда?

Сжав сердце от тревоги, староста невольно поднял глаза. Из-за поворота внезапно донесся мерный грохот шагов. Звук шагов сливался в единый монолит, подчиняясь странному ритму: с каждым ударом ноги о землю казалось, будто приближается исполинский зверь, от поступи которого сотрясалась сама почва.

— Рррм...

Не в силах вынести подобную дерзкую провокацию, Золотой Лев-Царь нарушил привычное спокойствие и издал оглушительный рев. Мощная звуковая волна ударила с небес раскатом грома, взбудоражив кровь в жилах людей и причинив им невыносимую боль.

Ме Тянь весело рассмеялся. Он и не думал, что Старый Цзинь, лишившись своей энергии, станет рычать еще глуше и устрашающе. Судя по побледневшим лицам окружающих, леденящий эффект от этого львиного рыка превзошел все ожидания.

С тех пор как Старый Цзинь узнал, что потерял свою силу, по совету Ме Тяня он начал усердно тренировать врожденный навык — Львиный Рык. Звук становился все мощнее и грознее, отчего звери в Обители Магических Зверей в ужасе забивались в самые дальние укрытия, не смея выпустить наружу ни малейшей крупницы своей ауры.

После нескольких дней тренировок Старый Цзинь остался крайне доволен своим единственным сохранившимся козырем. Благодаря технике извлечения звука, которой его обучил Ме Тянь, один рык нынешнего Старого Цзиня мог перевернуть небо и землю — поистине непревзойденное оружие для устрашения.

Этот гигантский рев изрядно расстроил стройность чеканных шагов, однако всего через мгновение они вновь обрели идеальную синхронность, а грохочущий звук стал только громче.

Ме Тянь втайне поразился: *Похоже, это отряд прекрасно обученных воинов! Способность восстановить строй за столь короткий срок и не поддаться напуганной ауре Старого Цзиня выдает серьезных противников!*

Мысленно дав общую оценку врагу, Ме Тянь сохранил на лице беззаботное выражение, хотя никто не догадывался, что его разум уже провел бесчисленное множество анализов текущей обстановки.

Обладая мудростью девятисот девяноста девяти сородичей, Ме Тянь вовсе не был простым ребенком. Его эрудиция не уступала академической библиотеке, и к тому же все эти знания, накопленные сородичами за долгие годы исследований, теперь слились воедино, став его собственными. Вот только применить их на практике оказалось не так-то просто.

Одно дело — обладать знаниями, и совсем другое — уметь ими пользоваться. Нынешний Ме Тянь неустанно впитывал чужой опыт, постепенно наполняя себя изнутри. Этот процесс усвоения происходил в бесчисленное количество раз быстрее, чем обучение студентов в академии, ведь опыт уже был глубоко запечатлен в его разуме и стал частью его плоти и крови. Ме Тяню оставалось лишь практиковаться, претворяя чужие наработки в собственный подлинный опыт.

Сородичей было много, и интересы у них различались. Некоторые даже изучали «техники любви», из-за чего юный Ме Тянь жутко краснел, но в то же время испытывал тайное воодушевление.

В данный момент Ме Тянь, опираясь на воспоминания и опыт сородичей, изучавших военное дело и боевые искусства, прикинул, что прибывших насчитывается не менее тысячи человек, и все они — закаленные воины. Лишь при условии железной дисциплины можно было добиться того, чтобы тысяча людей двигалась как один.

Заметив тревогу на лице старосты Чжана, Ме Тянь ободряюще улыбнулся:

— Не беспокойтесь, дедушка староста, идут вовсе не какие-то супермастера, а всего лишь отряд хорошо обученных солдат. Их индивидуальный ранг определенно не превышает пятого.

— Откуда тебе знать всё с такой точностью? — недоверчиво посмотрел на крошечного Ме Тяня староста, хотя в следующую секунду, будто что-то вспомнив, округлил глаза от изумления.

Шедший позади Ао Уфэн, услышав тяжелые шаги, невольно скривился в горькой и мучительной гримасе, словно заранее знал, кто именно приближается.

— Ао Уфэн, что с тобой? Вид такой, будто душа вон. Неужели прибывшие как-то связаны с тобой?

Ме Тянь даже не обернулся к Ао Уфэну, но по его неожиданно запнувшейся поступи сразу понял, что тот скрывает тайну. Ао Уфэн горько усмехнулся:

— От тебя действительно ничего не утаишь. Верно, прибывшие имеют ко мне прямое отношение. Это армия Империи Дунхуан, защищающая императора!

Слова Ао Уфэна прозвучали ошеломляюще. Деревенские жители испугались не на шутку: пусть они и считались сильными мастерами, но крошечная деревенька в несколько тысяч человек никогда бы не осмелилась бросить вызов сильнейшему государству континента — Империи Дунхуан. А уж кто такие Имперские Стражи, они знали лучше кого бы то ни было.

Имперская гвардия Дунхуана подчинялась напрямую императору Дуанфан Пону и по сути являлась личной стражей престола. Они обладали правом казнить сперва, а докладывать потом, будучи самыми неудобными людьми во всей империи.

Даже аристократия не смела легкомысленно оскорблять этих людей. Император мог не доверять министрам, но безоговорочно верил Имперской Гвардии — это был неслгибемый легион, преданный династии до последней капли крови.

Чего эти посторонние люди не знали, так это того, что сто пятьдесят тысяч воинов этой самой Имперской Гвардии были по случайности стерты с лица земли всего одним заклинанием Ме Тяня под названием «Пронзающие Небеса Заклинания»!

Заметив потрясенные лица окружающих, Ао Уфэн равнодушно улыбнулся, шагнул вперед и произнес:

— Почтенные, прошу подождать. Это мое личное дело, так что лучше вам временно удалиться. Я разберусь со всем сам, а после мы продолжим беседу.

С этими словами Ао Уфэн встал во главе отряда. Его невозмутимая стать заставляла людей невольно проникаться уважением, источая незримое высшее величие мастера девятого уровня.

Однако никто из присутствующих и помыслить не мог, что Ао Уфэн на данный момент представлял собой лишь пустую оболочку.

Под затаившие дыхание взгляды толпы мерный шаг наконец прекратился, и перед ними во всей красе предстали виновники этого пугающего звука. Точно как и предполагал староста Чжан, это оказалась та самая тысяча воинов, что провела целый день в его таверне.

Но чего староста никак не ожидал, так это того, что, заведя стоящего посреди дороги Ао Уфэна, эти люди синхронно опустились на одно колено, и командир громогласно отрапортовал:

— Командир тысячника Пятого легиона Имперской Гвардии Ао Хунчэнь вместе со вверенным мне тысячником приветствует старейшину!

Лицо Ао Уфэна оставалось невозмутимым. Холодно бросив взгляд на подчиненного, он произнес:

— Хунчэнь, что ты творишь? Разве ты не получил приказ убить меня?

Ао Хунчэнь поднял голову. Перед глазами зрителей предстало суровое, волевое лицо: правильные черты, квадратный подбородок, ничем не примечательные глаза и нос. Ни одна деталь не казалась выдающейся, но соединенные вместе, они создавали странное ощущение, заставляя невольно замереть под напором его свирепой и властной ауры.

Казалось, слова Ао Уфэна застали его врасплох. Ошеломленно выдохнув, он произнес:

— Старейшина, вы заблуждаетесь! Его Величество император беспокоится о вашей безопасности и специально направил Имперскую Гвардию встретить вас.

Ао Уфэн посмотрел на этого бывшего подчиненного, доводившегося ему некогда племянником, тяжело вздохнул и ответил:

— Возвращайся и передай Его Величеству, что я устал от чиновничьей жизни и решил уединиться на лоне природы. Отныне все дела императорского двора не имеют ко мне никакого отношения.

Стоило ему произнести эти слова, как толпа ахнула. Воины Имперской Гвардии, напротив, замерли подобно изваяниям, не опустив голов и не выказав на лицах ни тени эмоций. По одному этому становилось ясно, насколько железобетонна их воля: они полностью оправдывали звание элитной гвардии Империи Дунхуан.

Ао Хунчэнь же был потрясен до глубины души. Отправляясь в путь, Дуанфан Пону отдал строжайший приказ: при любых обстоятельствах вернуть Ао Уфэна в дворец. Из пятнадцати тысячников Имперской Гвардии по нелепой случайности погибло десять, и оставшиеся пять

тысяч элитных бойцов были брошены на поиски единственного человека.

Для Дуанфан Пону даже гибель всей Имперской Гвардии не стоила потери одного Ао Уфэна.

Титул Бога Боя девятого уровня служил не просто символом гордости Империи Дунхуан, он был олицетворением самого императора.

Куда важнее было то, что Ао Уфэн, являясь братом императрицы и шурином правителя, пользовался абсолютным доверием. Найти тысячи воинов легко, а вот отыскать толкового полководца трудно. Сейчас у Дуанфан Пону было много солдат и генералов, но по-настоящему верных людей можно было пересчитать по пальцам.

Ао Уфэн являл собой незаменимую опору империи, и расставаться с ним было нельзя ни при каких обстоятельствах.

— Прошу старейшину трижды подумать! — голос Ао Хунчэня помрачнел. — Ради безопасности всего нашего рода, старейшина, лучше вернитесь с нами! Император отдал смертный приказ: если мы не вернем вас, гибель грозит не только нам самим, но и нашим семьям! Сжальтесь, старейшина!

Тело Ао Уфэна задрожало, и в следующее мгновение из него вырвалась мощная волна энергии:

— Что ты сказал? Как смеет император угрожать жизням всего нашего рода?!

Никто не обратил внимания на дерзость его слов, потому что перед ними стоял Ао Уфэн! Несравненный мастер, выросший бок о бок с императором и ставший ему братом!

Однажды правитель шутил: «Я бы с радостью поменялся с Уфэном местами, да только он не соглашается. Как же я завидую его свободе и беспечности!»

Это наглядно показывало, какое место Ао Уфэн занимал в сердце Дуанфан Пону — его авторитет был непререкаем.

Но теперь Дуанфан Пону использовал против него его же собственную слабость. Ао Уфэн испытал невыразимую волну гнева, за которой тут же последовало глубокое, тоскливое опустошение.

Он не винил Дуанфан Пону: окажись он на месте императора, поступил бы точно так же. В этом и заключалась вся горечь человеческой жизни: зачастую у тебя просто нет выбора.

Горечь в сердце Ао Уфэна мелькнула и исчезла. Самим небесам было ведомо почему, но в этот миг он почему-то позавидовал Ме Тяню.

Беззаботный, свободный, делающий то, что хочется — вот это и есть настоящая жизнь! Жаль только...

Ме Тянь гладил длинную шерсть Старого Цзиня, а на его лице застыло выражение безмятежности, совершенно не соответствовавшее его возрасту. Лишь леденящий блеск, изредка проскальзывающий в черных глазах, выдавал, что этот юноша глубоко разгневан.

— Я... я не могу пойти с вами! Ибо моя жизнь больше не принадлежит мне самому!

Ао Уфэн взглянул на Ме Тянь, и с его губ сорвались слова, повергшие в шок всех присутствующих.

Все остолбенели, включая самого Ме Тяня, но спустя мгновение мальчик улыбнулся.

Его сияющая улыбка делала его еще более очаровательным:

— Ао Уфэн, неужели в такой момент у тебя еще есть настроение шутить? Ты же понимаешь, что судьба твоего рода висит на волоске, нельзя же быть настолько эгоистичным. Бросить их на произвол судьбы — значит не только пойти против собственной совести, но и заставить меня, твоего друга, разочароваться в тебе.

Слова Ме Тяня произвели эффект разорвавшейся бомбы, заставив даже Ао Хунчэня поднять глаза на мальчика. И только теперь он разглядел его как следует!

Золотой Лев-Царь! Боже мой, да это же Золотой Лев-Царь! Один из считанных магических зверей девятого уровня на всем континенте!

И этот ребенок восседает верхом на нем? Либо этот мир сошел с ума, либо сам Золотой Лев-Царь рехнулся!

Сердце Ао Хунчэня колотилось, словно штормящее море.

На всем континенте вряд ли нашлось бы много людей, способных разговаривать с Ао Уфэном в подобном тоне. А то спокойствие, с которым он держался, делало его просто неотразимым.

Дело было вовсе не в том, насколько силен Ме Тянь, а в том, что единицы на всем белом свете могли с такой невозмутимостью держаться перед Ао Уфэном. Это незримо вознесло статус мальчика в глазах окружающих до невиданных высот.

Воины ценят клятвы: слово сказано — стой на своем до смерти!

Заявление Ао Уфэна о том, что его жизнь ему не принадлежит, имело под собой веские основания. В конце концов, он проиграл Ме Тяню спор, и в определенном смысле мальчик теперь был его хозяином.

С благодарностью взглянув на Ме Тяня, Ао Уфэн отчетливо понял смысл его слов. В его сердце зародилось странное, неизъяснимое чувство к этому ребенку. Несмотря на юный возраст, Ме Тянь сочетал в себе детскую наивность с мудростью и проницательностью умудренного старца. Подобное сочетание придавало ему неповторимый шарм, заставляя окружающих воспринимать его как самого близкого друга.

Глядя на Ао Уфэна, Ме Тянь чувствовал странное утешение. За эти несколько дней совместного пути он тоже многому научился у него. Терпимость и забота Ао Уфэна напоминали отношение старшего брата.

В сердце Ме Тяня, потерявшего всех родных, Ао Уфэн давно занял место настоящего брата. Лишь потеряв всё, начинаешь ценить то, что имеешь. Ме Тянь дорожил тем, что обрел сейчас, хотя и не привык открыто выставлять напоказ свои чувства.

— Ао Уфэн, хватит делать такой скорбный вид, я ведь еще навещу тебя.

— Хорошо!

<http://bllate.org/book/21956/2281239>